



ОПОРА

ЛАРА ЛАВ ХАРДИН

**Я
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ
МОЯ
ОШИБКА**



МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

X20

Simon & Schuster Paperbacks
An Imprint of Simon & Schuster, LLC
1230 Avenue of the Americas New York, NY 10020

“Prayer Before the Prayer” copyright Mpho Tutu, from The Book of Forgiving.

Certain names and identifying details have been changed.

Copyright © 2023 by Lara Love Hardin

Хардин, Лара Лав.

X20 Я больше, чем моя ошибка : история о том, как вновь обрести внутренний свет, находясь во тьме / Лара Лав Хардин ; [перевод с английского Э. И. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Книга-опора. Вдохновляющие истории удивительных людей).

ISBN 978-5-04-216922-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Идеальная домохозяйка Лара живёт не своей жизнью. Она присваивает чужие, расплачиваясь их кредитками за свою зависимость. И потому получает новое имя — S32179, присвоенное за решёткой.

Тюрьма больше напоминает ей сюжет «Повелителя мух», чем исправительную колонию. Этот мир, по её мнению, не сильно отличается от родительских собраний, разве что мебель здесь из картонных коробок, а местная валюта — шоколадные батончики.

Своим добрым сердцем Лара преобразает это место, помогая сокамерницам, но настоящие испытания ждут за пределами колючей проволоки. Ей предстоит доказать миру и, прежде всего, себе, что каждый заслуживает второго шанса. Ведь стыд — яд, куда более разрушительный, чем героин.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-216922-9

© Перевод с английского языка,
Мельник Э.И., 2025

© Дизайн серии, Любовь Белякова, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Моим сыновьям —
Дилану, Коди, Таю и Кейдену — моя вечная любовь
сквозь все эти многочисленные жизни*







глава 1

ПРИНИМАТЬ ПРИ БОЛЯХ ПО МЕРЕ НЕОБХОДИМОСТИ

Моей первой зависимостью было чтение. Когда я сегодня говорю об этом, люди смеются и кивают; как будто понимают, как будто тоже входят в тайное общество книгоманов, чье главное преступление — лежать до первых петухов с фонариком под одеялом, компульсивно глотая страницу за страницей.

И вот что самое странное: никто ни разу не спросил, какова моя *вторая* зависимость. В смысле, человек, обожающий читать, никак не мог бы стать настоящим зависимым, правда? Таким зависимым, который ворует у собственных родственников, предает тех, кого любит, совершает тяжкие преступления, уничтожает свою жизнь, потому что поиск дозы, ее употребление и новый поиск сжирают без остатка все, чем он был раньше. Никто не лишается работы из-за того, что слишком много читает. По книжным клубам не проводят рейды. Тюрьмы не полнятся людьми, которые пошли

воровать, чтобы финансировать свою страсть к электронным книгам.

По правде говоря, зависимость у меня всегда была только одна. Самая заветная цель всех зависимостей — спастись бегством. Сколько я себя помню, всегда существовало какое-то лучшее место, чем то, в котором в данный момент была я. И лучшая версия меня — по сравнению с той, что существовала в данный момент. В детстве и юности книги помогали мне спастись. Дело было не только в моих рано начавшихся душевных метаниях и экзистенциальных кризисах: они были буквальным спасением.

Большая часть моих воспоминаний о раннем детстве — это просто истории, которые рассказывали мне десятки лет спустя. Истории о насилии, голоде и покинутости.

Однако я помню каждого своего учителя — от детского сада и до окончания средней школы. Помню первое многосложное слово, которое я прочла в школе: *полицейский*. Я так гордилась собой, произнося вслух все его буквы. В первом классе я прочла «Унесенных ветром» — дважды. В этой книге было больше тысячи страниц. Я не понимала ни Ретта Батлера, ни Скарлетт О’Хару, ни Гражданскую войну, но слово за словом смаковала бесконечные страницы, испещренные мелким шрифтом. Смаковала спасение. Чем длиннее была книга, тем лучше.

Моими единственными отчетливыми воспоминаниями после того, как мне исполнилось десять (если не считать связанных со школой), были кризисные моменты. Как мои братья угнали «Пинто» отчима и утопили его в Уолденском пруду. Как сестру привела домой полиция, задержав ее за пьянство в общественном месте. Как среди ночи приехала из Сан-Франциско моя тетка Дженис с распухшим и неузна-

ваемым лицом, на котором смешались все оттенки багрового, черного и синего. Как братья и сестра плясали вокруг пальца отчима, найденного на лужайке перед домом после того, как мама спешно повезла его, истекавшего кровью, в больницу. Произошел какой-то несчастный случай с газонокосилкой, и это единственный отложившийся в памяти момент, когда мои сестра и братья чему-то радовались. Я не знала, почему они так ненавидели отчима и что побудило его однажды собрать вещишки и уехать навсегда.

У меня не осталось ни единого воспоминания о том, как я ужинаю с семьей. В памяти не сохранилось никаких отпусков и каникул. Когда я пытаюсь вспомнить свое детство, появляется лишь смутное ощущение страха, тревоги. Не могу четко представить себе ничего конкретного или хотя бы символического, что обозначало бы дом, а поскольку один из моих братьев и сестра умерли молодыми, у меня не осталось никого, способного заполнить эти пробелы. Я вижу только себя — одинокую, в комнате, читающую. И это вовсе не «любовь с первого взгляда», не «с фонариком под одеялом», не «тайный роман с книжками».

Когда я говорю о своей детской книжной зависимости, я говорю о том, как отчаянно вцеплялась в страницы, снова и снова перечитывая одни и те же книги, и этих страниц никогда не хватало, чтобы заполнить пустоту. Читая, я могла представлять себя кем-то другим. Я была шпионкой Гарриет, Нэнси Дрю, Люси в Нарнии. Я была Скарлетт О'Харой, заявляющей, что больше никогда не будет голодать. Я была девочкой-подростком, впервые приехавшей в Калифорнию, встретившей парня из своих грез и всю ночь боровшейся за то, чтобы апельсиновая роща дальних родственников не погибла во время сильных морозов. Я была дерзкой женщиной,

которой не нужен мужчина, — до тех пор, пока не становится отчаянно нужен, — из всех до единого романов, написанных Норой Робертс. Поскольку мы переехали из Мейнарда в Конкорд, я также читала Олкотта, Торо, Хоторна и Эмерсона. Я читала Толстого и Достоевского, но обнаружила, что отношения у русских гораздо более непонятные и запутанные, чем в мирах Норы Робертс. Я обожала счастливые концовки, героев, у поступков которых были четкие мотивы. Я читала книги, как вуайеристка, пристально следя за всеми этими не-моими жизнями. Даже у невеселых книжных персонажей бывали моменты радости и искупления, которым я молча завидовала.

Шло время, и страсть к чтению плавно перетекла в страсть к писательству. В старших классах школы я начала писать рассказы, и они привлекли ко мне то внимание, которого я так жаждала. Я всегда любила учебу. Играла в университетских командах в лакросс и хоккей на траве. Я умела сдружиться и с крутыми ребятами, и с умниками, и даже с любителями наркоты, хоть мне самой и не нравилось употреблять. Я умела незаметно пересекать социальные барьеры и быть той, кем люди хотели меня видеть. Хотелось бы мне сослаться на свой врожденный дар интереса к людям, но, по правде говоря, это была скорее реакция на травму. Я хотела, чтобы меня любили. Я хотела чувствовать себя в безопасности. Поэтому мне было необходимо нравиться каждому встречному, а если удастся заставить его полюбить меня и нуждаться во мне, так это даже еще лучше. После уроков я ходила домой к разным друзьям, и делала домашнее задание за их кухонными столами, и ужинала вместе с их семьями. В каждом доме я могла притвориться именно той, кем меня считали. И все родители любили меня, кроме моих собственных.

Я первой из всего нашего семейства поступила в колледж. Я взяла студенческие кредиты и окончила подготовительный и основной курс за три тысячи миль от дома. В Калифорнии я создала совершенно новую себя. Я поселилась в общежитии Калифорнийского университета в Санта-Круссе, носила футболки с принтом тай-дай и играла в алтимат — командную игру с фрисби. Я развесила в общежитской комнате голубены и переспала со своим резидентом-консультантом. А потом переспала с его лучшим другом. Видя мои длинные, выбеленные солнцем волосы и развевающиеся хипповские шарфы, никто не верил, что я выросла в Массачусетсе. В первую же неделю университетской жизни я попробовала вещества. Во время ознакомительной недели их несложно было достать. Та я, которой я была до колледжа, отправилась пылиться на дальнюю полку. С той Ларой было покончено, и я официально стала беззаботной калифорнийкой, серфингисткой, вся такая «мир и любовь».

Я выбрала специализацией литературное творчество, поскольку это означало, что я смогу продолжать читать, продолжать писать и продолжать спасаться бегством. Я думала, что смогу убежать от всего, что навлекло страдания на мою семью, и поклялась: я ни за что не буду похожей ни на кого из родственников. Я думала, что образование равносильно прививке от всякого зла, и если я просто буду оставаться хорошей девочкой с хорошими оценками, которая говорит правильные вещи и играет правильные роли, то моя жизнь не закончится трагедией в духе Анны Карениной.

Но от себя спастись бегством невозможно, и в итоге ни книги, ни писательство не стали для меня спасением, которого я по-прежнему жаждала. Тогда я переключилась на секс, и еду, и деньги, когда они у меня появлялись, и снова на секс,

когда их не было. А появились вещества: сперва более легкие — надолго, пока еще было терпимо, — а потом тяжелые вещества. Я приобрела зависимость от всего, что употребляла, — и ни от чего конкретного.

Спасение бегством всегда оставалось моей истинной зависимостью, моим единственным истинным кайфом. Книги были всего лишь стартовым наркотиком. От секса я всего лишь забеременела. От еды — всего лишь располнела. А вот тяжелый наркотик, как поначалу казалось, дарил мне все, чего я когда-либо хотела: мир, радость, спасение.

А потом перестал.

И все, что я знала, и все, кого я любила, пропали бесследно.



глава 2

КАНИКУЛЫ ДОМА

Чтобы совершить преступление, необходимо то же самое, что необходимо для любого поступка, в правильности которого ты не уверена, — уверенность. Высоко подняв голову, с видом «притворяйся, пока не поверишь» я вхожу в «Сисайд Инн»¹, как будто мне там самое место. Я три дня не была в душе, и волосы скручены в неряшливый пучок на макушке, но я надеваю солнечные очки и старательно изображаю Миранду Пристли из «Дьявол носит *Prada*», горделиво проходя через вращающуюся дверь.

Меня немного ведет, потому что за эти три дня я почти ничего не ела, и от вида вращающейся двери у меня кружится голова. Моя рука крепко сжимает пухлую ручонку малыша Кейдена. На нем его любимый комбинезончик с Человеком-пауком. Наш пес Чейз сидит на заднем сиденье машины, оставленной под присмотром служащего отеля. У меня нет

¹ В оригинале Seaside Inn (англ.) — приморская гостиница.

денег, чтобы дать ему на чай, когда мы уедем, но об этом я беспокоюсь потом.

— Правда здорово, что у нас будут небольшие каникулы? — говорю я Кейдену. — Твои братья обожают «Сисайд-Инн» и приедут к нам после школы.

Кейден изображает тельцем что-то в духе Человека-паука и крепче сжимает мою руку.

— У них даже горячая купель есть, — говорю я чуть громче, чем следовало. Отчаянно пытаюсь сделать вид, что у меня нет никаких забот. Наш дом отключили от сети за неуплату, и мы не можем оставаться там без тепла и света. К тому же наши соседи видели, как я здоровалась с почтальоном и забрала их почту вместе со своей, а потом сделала вид, что ошиблась, и отдала конверты им, когда они выбежали во двор. Но я знаю, что они *знают*.

Я беспокоюсь об этом позже.

Утро я провела за компьютером, покупая онлайн подарочные карты сети отелей *Best Western* и оплачивая их кредиткой, которую два дня назад ukrала из незапертой машины во дворе школы на встрече выпускников. Потом внесла предоплату за этот отель, воспользовавшись подарочными картами. Я должна предъявить удостоверение личности, чтобы заселиться, но надеюсь, что подарочные карты никак нельзя связать с украденной кредиткой. У той женщины в сумочке оказалась целая тонна кредиток, так что хочется верить, что она не заметила пропажу одной из них.

Я взяла только одну карту, которая сейчас благополучно лежит в кармане моих тренировочных штанов, поэтому чувствую себя необыкновенно добродетельной. Я все же воспользовалась ей, чтобы купить бензин для машины и обед для Кейдена плюс кое-какую еду на перекус для мальчиков,

когда они до нас доберутся. Но старательно прятала лицо на случай, если в магазине на заправке были камеры.

— Заселяетесь? — спрашивает служащий.

— Да, — отвечаю я.

— Фамилия?

Я мешкаю всего одну лишнюю секунду, и он еле заметно наклоняет голову набок. Служащий, которому не может быть больше двадцати пяти лет, выжидающе смотрит на меня сквозь очки в проволочной оправе. Я вижу, что он носит их ради того, чтобы казаться старше, выглядеть профессионалом. Я тоже умею в эти игры — и ослепительно улыбаюсь ему, делая глубокий вдох.

— Лав, — певуче говорю я, — Лара Лав.

— Будьте добры, могу я взглянуть на ваше удостоверение?

Я выпускаю ручку Кейдена и лезу в карман за водительской лицензией. Кредитка с именем другой мамочки так и осталась в кармане.

Он берет мою лицензию и начинает набирать текст на компьютере. Я подхватываю Кейдена на руки и усаживаю на мраморную стойку.

Барабанная дробь по клавиатуре продолжается, перемежаясь паузами, во время которых администратор, прищурившись, смотрит на экран. Этот прищур подтверждает мою догадку, что очки — чистая показуха, и по какой-то причине это меня приободряет.

— Здесь в пруду для карпов кои живут огромные золотые рыбки, — говорю я Кейдену.

Администратор улыбается мне, и я улыбаюсь в ответ.

— Я здесь когда-то выходила замуж, — поясняю я ему. — Давным-давно — целых двенадцать лет назад. За первого мужа.